

Глава 2

Призвание

Сейчас в окрестностях парка Вашингтон-сквер в Нижнем Манхэттене располагаются Нью-Йоркский университет, дорогое жилье и люксовые магазины. В 1911 году к северной части парка примыкали особняки, а вдоль восточной и южной тянулись фабрики, где работали молодые иммигранты, в основном евреи и итальянцы. В одном из особняков жила миссис Гордон Норри, почтенная мать семейства, среди предков которой были двое из отцов-основателей США.

Двадцать пятого марта миссис Норри угощала гостей чаем, когда на улице вдруг послышался шум толпы. Среди гостей была Фрэнсис Перкинс, представительница среднего класса из штата Мэн, которая также вела свою родословную со времен американской войны за независимость. Фрэнсис закончила престижный колледж Маунт-Холиоок и работала в Нью-Йоркской лиге потребителей, где выступала за отмену детского труда. Она разговаривала с аристократическим акцентом, соответствующим ее образованию, как Маргарет Дюмон, игравшая в комедиях братьев Маркс пожилую аристократку, или миссис Хауэлл, супруга миллионера из сериала «Остров Гиллигана».

Вбежал дворецкий и сообщил, что рядом с площадью пожар. Дамы бросились на улицу. Фрэнсис, подобрав юбки, помчалась впереди всех. Горела швейная фабрика. Этому пожару суждено было стать одним из самых страшных в американской истории. Фрэнсис увидела, что три верхних этажа десятиэтажного здания охвачены огнем, а из открытых окон высовываются десятки рабочих. Она присоединилась

к толпе перепуганных наблюдателей на тротуаре. Из окон стало падать что-то похожее на тюки материи. Сначала показалось, что владельцы фабрики пытаются спасти самые ценные ткани. Но то были вовсе не тюки. Люди бросались на верную смерть. «Люди просто начали прыгать из окон у нас на глазах, — позже вспоминала Перкинс. — До этого они еще держались, стояли на подоконниках, но сзади на них напирала другая, а огонь и дым подбирались все ближе. Все до одного погибли, все, кто прыгал. Это было жуткое зрелище»¹.

Пожарные натянули сетки, но под весом тел, падающих с такой огромной высоты, сетки либо рвались, либо выскальзывали из рук пожарных. Одна женщина, прежде чем прыгнуть, сперва вытряхнула все деньги из кошелька на столпившихся внизу.

Фрэнсис вместе с другими кричала: «Не прыгайте! Подождите помощи!» Но помощь запаздывала. Огонь уже подступал. Всего прыгнули 47 человек. Одна молодая женщина что-то страстно говорила перед прыжком, бурно жестикулируя, но ее не было слышно. Один молодой человек помог девушке взобраться на подоконник, поднял ее на вытянутых руках, как балетный танцор, и отпустил. Точно так же он помог спрыгнуть еще двум девушкам. Затем на подоконник забралась четвертая девушка, обняла его, и они поцеловались. Потом он поднял ее и тоже отпустил. Наконец прыгнул сам. Пока он летел вниз, ветер раздувал его брюки, открывая взглядам наблюдателей изящные коричневые ботинки. Один из репортеров написал: «Я видел его лицо до того, как тело накрыли. По этому лицу было видно: вот настоящий мужчина. Он сделал все, что было в его силах»².

Пожар начался около 16:40, когда кто-то на восьмом этаже выбросил окурки или спичку в кучу хлопковых обрезков, оставшихся после раскройки. Ткань мгновенно вспыхнула.

Позвали директора фабрики Сэмуэля Бернштейна, он подхватил несколько ведер с водой и вылил на огонь. Это не помогло. Хлопок загорается быстрее, чем бумага, а обрезков ткани только на восьмом этаже было около тонны³.

Бернштейн вылил на разгорающееся пламя еще несколько ведер воды, но это было уже совершенно бесполезно: огонь перекинулся на бумажные выкройки, развешанные над деревянными столами. Директор распорядился принести пожарный шланг с ближайшей лестницы. Вентиль открыли, но вода не поступала — не хватало давления. Как отмечает журналист Дэвид фон Дрел, обстоятельно изучавший историю пожара, Бернштейн в эти три минуты принял роковое решение. Нужно было сделать выбор: бороться с огнем или эвакуировать почти 500 работников. Он до последнего безрезультатно пытался потушить усиливающийся пожар. Если бы он потратил это время на то, чтобы организовать эвакуацию, возможно, обошлось бы без жертв⁴.

В конце концов о пожаре сообщили двоим владельцам фабрики, которые сидели на десятом этаже. Пожар уже поглотил восьмой этаж и быстро поднимался. Один из владельцев Айзек Харрис собрал группу работниц и заключил, что пробираться вниз через огонь — это самоубийство. «Девушки, поднимаемся на крышу! Поднимайтесь на крышу!» — крикнул он. Еще один владелец Макс Бланк был парализован страхом. Он застыл на месте с выражением ужаса на лице, обнимая младшую дочь и держа за руку старшую⁵. Клерк, стоявший на пути к выходу с конторской книгой, решил ее бросить и спасти начальника.

Большинству работников с восьмого этажа удалось выбраться, но тех, кто трудился на девятом, не успели вовремя предупредить. Когда огонь подобрался к ним, они стали метаться от одного пути к другому. В здании было два лифта, но они ходили медленно и сразу же заполнились.

Автоматической системы пожаротушения не было. Шаткая пожарная лестница, проходившая снаружи здания, была завалена хламом. В обычные дни работниц обыскивали, опасаясь воровства, поэтому часть дверей держали запертыми, чтобы все шли через один выход. Окруженные пламенем, люди не представляли, куда бежать, и, задыхаясь от дыма и ужаса, принимали роковые решения.

Три подружки — Ида Нельсон, Кэти Вейнер и Фанни Ланснер — услышали крики «Пожар!», когда были в раздевалке. Нельсон побежала вниз по лестнице. Вейнер поспешила к лифтам и увидела уходящую вниз кабину. Она прыгнула в шахту и приземлилась на крышу лифта. Ланснер не решилась на это и погибла⁶.

Работница Мэри Бучелли позже рассказывала, как тяжело было выбраться из здания: «Не помню подробностей, я успевала только толкаться и брыкаться. И меня толкали и пинали. Я просто разбрасывала всех, кто преграждал мне путь. Думала только о том, как спастись. <...> Когда кругом неразбериха, видишь сразу столько всего, но не успеваешь различить. В такой суতোлке остается только драться»⁷.

Джозеф Бреннан был одним из немногих мужчин, работавших на фабрике. От лифтов его отделяла целая толпа женщин, но работницы были физически слабые и в большинстве своем худые. Он растолкал их, пробился к лифту и спасся.

Пожарные прибыли быстро, но их лестницы не доставали до восьмого этажа. Вода из брандспойтов тоже едва достигала этой высоты и лишь оросила стены снаружи.

Стыд

Страшный пожар на фабрике потряс весь город. Люди не только осуждали владельцев предприятия, но и смутно

ощущали собственную ответственность. В 1909 году иммигрантка из России Роза Шнейдерман вывела работниц этой и других фабрик на забастовку, выступая против тех самых проблем, которые привели к такому количеству жертв при пожаре. Охрана компании тогда подавила забастовку, а горожане безучастно наблюдали за происходящим: жизнь бедняков мало кого волновала. После пожара проявления народного гнева не было конца; он подпитывался осознанием общей вины за эгоистичную сосредоточенность на собственной жизни и равнодушие к трудностям и страданиям окружающих. «Невозможно описать, насколько это выбило всех из колеи, — вспоминала Фрэнсис Перкинс. — Казалось, мы все вместе совершили какое-то преступление. Случилось то, чего не должно было случиться. Мы чувствовали себя виноватыми. Mea culpa! Mea culpa!*»⁸

В память о погибших было устроено большое шествие, а затем и широкий митинг с участием всех видных горожан. Фрэнсис Перкинс стояла на сцене как представитель Лиги потребителей. Роза Шнейдерман выступила со страстной речью:

Я бы предала несчастных сгоревших, если бы пришла сюда говорить с вами как с добрыми товарищами. Мы испытали вас, славные граждане, и вы не прошли испытание!

У средневековой инквизиции были дыба, тиски для пальцев и железные зубья. Мы знаем, как они выглядят сегодня: железные зубья — это наши жизненные потребности, тиски для пальцев — окружающие нас тяжелые и быстрые машины, а дыба — это здания, которые превращаются в смертельные огненные ловушки...

* Моя вина (*лат.*).

Мы испытали вас, граждане! Мы испытываем вас снова, и вы теперь от щедрот души своей предлагаете по паре долларов скорбящим матерям, братьям и сестрам. Но каждый раз, когда мы, рабочие, единственным доступным нам способом выступаем против невыносимых условий, твердая рука закона вправе нас покарать. <...> Я не могу говорить с вами, собравшимися тут, как с добрыми товарищами. Слишком много крови пролито!⁹

Пожар и его отголоски наложили глубокий отпечаток на Фрэнсис Перкинс. Прежде, выступая за права рабочих и бедняков, она двигалась по традиционному пути, который, вероятно, со временем привел бы ее к традиционному браку и занятию благотворительностью. После пожара работа превратилась в ее призвание. Нравственное возмущение открыло ей другой путь. Ее желания и собственное «я» перестали быть главными в ее жизни — это место заняло дело. Она забыла об условностях своего класса. Она стала нетерпимой к тому, как благовоспитанные прогрессисты занимались помощью бедным: ханжески, опасаясь замарать руки. Фрэнсис ожесточилась. Она бросилась в самую гущу политики. Она готова была даже на морально сомнительные действия, лишь бы предотвратить новые катастрофы, подобные пожару на швейной фабрике. Она согласна была сотрудничать с продажными чиновниками, если это обещало принести результат. Она посвятила борьбе всю свою дальнейшую жизнь.

Зов жизни

Сегодня молодежь призывают следовать своим желаниям, доверять своим чувствам, размышлять и искать свою цель

в жизни. За этими расхожими фразами стоит убеждение, что ответы на главные вопросы нужно искать внутри себя. Пока вы молоды и только входите во взрослую жизнь, надо уделить время поиску себя. Сядьте и подумайте, что для вас важно, какие у вас приоритеты, что вызывает у вас самые сильные эмоции. Задайте себе вопросы по списку: «В чем смысл моей жизни? Чего я хочу добиться? Что я по-настоящему ценю, а не делаю только для того, чтобы порадовать других или произвести на них впечатление?»

Придерживаясь такого подхода, жизнь можно организовать как бизнес-план. Сначала необходимо составить перечень своих талантов и увлечений, затем поставить цели и придумать критерии, как организовать продвижение к этим целям. После этого следует разработать стратегию, как обрести смысл жизни, и это поможет отличить те действия, которые приближают вас к вашим целям, от тех, что кажутся необходимыми, но на самом деле лишь отвлекают от главного. Чем раньше вы придумаете реалистичный смысл и выстроите гибкую стратегию, тем более осмысленной будет ваша жизнь. Вы достигнете той же непоколебимой уверенности в себе, что и герой известного стихотворения Уильяма Эрнеста Хенли «Непокоренный»: «Я — властелин своей судьбы, я — капитан своей души».

Как правило, во времена личной автономности мы организуем свою жизнь следующим образом: начинаем с «я» и им же заканчиваем, начинаем с самоанализа и заканчиваем самореализацией. Это жизнь, определяемая последовательностью личных решений. Однако Фрэнсис Перкинс обрела смысл жизни другим путем. Этот способ не заставляет спрашивать: «Чего я хочу от жизни?» Он призывает задавать иные вопросы: «Чего жизнь хочет от меня? К чему меня призывают обстоятельства?»

При таком подходе не мы создаем свою жизнь — жизнь призывает нас. Мы получаем ответы не изнутри, а извне. Этот

подход берет свое начало не внутри автономного «я», а в конкретных обстоятельствах, в которые вы оказываетесь погружены. Он отталкивается от осознания того, что мир существовал задолго до вас и просуществует еще долго после вас и что на короткий миг вашей жизни судьба, история, случай, эволюция или Бог поместили вас в определенное место с определенными проблемами и задачами. Вам же нужно понять: «Какая помощь требуется в этой ситуации? Что в ней нужно исправить? Какие дела ждут исполнения?» Или, говоря словами писателя Фредерика Бюкнера, «в каких точках то, что я умею, и то, что приносит мне радость, соприкасается с тем, что нужно миру?»

О подобном призвании в 1946 году писал Виктор Франкл в своей знаменитой книге «Человек в поисках смысла»*. В 1942 году Франкла, венского психиатра-еврея, арестовали нацисты. Его отправили сначала в гетто, а затем в концлагерь. Большую часть времени в лагере он занимался укладкой шпал. Франкл вовсе не такую жизнь себе готовил, не этого желал, не об этом мечтал. Будь на то его воля, он занимался бы совсем другим. Но такую жизнь назначили ему обстоятельства. И он понял: то, каким человеком он в итоге станет, зависит от того, какое внутреннее решение он примет в ответ на обстоятельства.

«На самом деле имеет значение не то, что мы ждем от жизни, — писал Франкл, — а то, чего жизнь ожидает от нас. Нам нужно было перестать спрашивать о смысле жизни, а вместо этого понять, что жизнь задает вопросы нам, ставит задачи — ежедневно и ежечасно». Франкл пришел к выводу, что судьба поставила перед ним нравственную и интеллектуальную задачу, назначила ему дело.

Его нравственной задачей стало страдать так, чтобы быть достойным своих страданий. Он не был властен над тем,

* Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

сколько ему придется находиться в концлагере, отправят его в газовую камеру или бросят мертвым на обочине, но он мог внутренне реагировать на свои страдания. Нацисты стремились обесчеловечить и унижить жертв, и некоторые заключенные сдавались, падали духом или уходили в воспоминания о счастливом прошлом. Другие же боролись против унижения и укрепляли свою внутреннюю целостность. «Можно одержать духовную победу, обратив лагерное существование во внутренний триумф», — понял Франкл. Противостоять унижению, проявляя достоинство в малом, — не для того, чтобы изменить внешние обстоятельства жизни или свою судьбу, но чтобы усилить свой внутренний стержень. Показать то, что он называл «внутренней властью», жесткий контроль внутреннего состояния и упорную оборону своей личности.

«Страдание стало для нас вызовом, от которого мы не хотели отворачиваться», — писал Франкл. Осознав задачу, которую поставили перед ним обстоятельства, он понял значение и конечную цель своей жизни, а также то, какую возможность предоставила ему война, чтобы исполнить эту цель, — и выживать стало легче. Как отмечал Ницше, «тот, кто знает, зачем жить, может вынести почти любое „как“».

У Франкла была огромная интеллектуальная возможность — возможность исследовать людей в самых страшных условиях. Ему выпал шанс превратить обстоятельства, в которых он оказался, в мудрость, которую можно донести миру.

Пока у него были силы, он разговаривал с другими заключенными, призывал их принимать свою жизнь всерьез, бороться за сохранение в себе внутренней власти, обратить мысли к высшему и сосредоточиться на образе близкого человека, чтобы хранить и укреплять любовь — к жене, ребенку, отцу или другу, даже если обстоятельства ее разрушают, даже если близкий человек, попавший в другой лагерь, возможно, уже погиб. Среди грязи, испытаний и трупов существовала

возможность подняться: «Я взывал к Богу из моей тесной тюрьмы — и Он подарил мне свободу этого пространства!» «Даже в таком положении, — писал Франкл, — человек может, через полное любви размышление о близком, выразить себя. Впервые в жизни я был способен понять смысл слов: „Блаженны ангелы, погруженные в вечное и полное любви созерцание бесконечной красоты“».

Он говорил тем, кто задумывался о самоубийстве, что жизнь еще ждет от них чего-то в будущем, что кто-то на них надеется. «В конечном счете, — заключал он, — жить означает брать на себя ответственность за выбор правильного решения в ответ на проблемы жизни и выполнять задачи, которые она постоянно ставит перед каждым человеком».

Мало кому приходится попасть в столь ужасные и экстремальные условия, но каждому из нас даны способности, умения, таланты и черты, которые мы, строго говоря, ничем не заслужили. И каждый из нас оказывается в обстоятельствах, которые призывают к действию, будь то бедность, страдания, нужды семьи или возможность что-то донести до людей. Эти обстоятельства предоставляют нам возможность использовать то, что нам дано.

Чтобы найти свое призвание, нужно уметь видеть и слышать. Тогда получится понять, какую задачу ставят перед вами обстоятельства. Как говорит Мишна, одна из священных книг иудаизма, «не по твоим силам завершить работу, но не волен ты уклоняться от ее выполнения».

Призвание

У Франкла, как и у Перкинс, было призвание. Призвание — это не профессиональный путь. Человек, выбирая профессию, оценивает варианты и возможности для роста. Выбор

профессии — это поиск финансовых и психологических преимуществ. Если ваша работа или профессия вас не устраивает, вы ее меняете.

Призвание не выбирают. Оно приходит само. Как правило, человеку кажется, что у него не было выбора, что если бы он не занялся этим, его жизнь повернулась бы совершенно иначе.

Иногда призвание приходит с потрясением. Фрэнсис Перкинс стала очевидицей пожара на швейной фабрике и была возмущена тем, что продолжает существовать подобный порядок вещей, нарушающий нравственный закон мироздания. Иногда призвание приходит с действием. Например, человек берет в руки гитару и в этот момент понимает, что он музыкант. Дело не в том, что он играет на гитаре, а в том, что он по своей сути гитарист. Иногда призвание открывают строки из Библии или литературных произведений. Летним утром 1896 года Альберту Швейцеру* попался на глаза библейский стих: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее». В этот момент он понял, что призван оставить успешную карьеру теоретика музыки и органиста, заняться медициной и лечить людей.

Человек, который обрел призвание, сражается за гражданские права, борется с болезнями, пишет великий роман или управляет гуманитарной организацией не потому, что это сулит ему определенные выгоды. Он руководствуется причинами более глубокими и возвышенными, нежели практическая польза, и держится за свое призвание тем крепче, чем больше возникает трудностей. Швейцер писал: «Любой, кто собирается творить добро, не должен ждать, что

* Альберт Швейцер (1875–1965) — немецкий и французский протестантский теолог, философ культуры, гуманист, музыкант и врач, лауреат Нобелевской премии мира (1952).

другие будут убирать камни у него с пути, он должен смиренно принимать свою участь, даже если ему наваливают новые камни на дорогу. Только та сила, которая перед лицом препятствий становится мощнее, способна победить»¹⁰.

Подобная идея призвания противоречит логике, которая преобладает в наши дни. Призвание — это не удовлетворение своих желаний и потребностей, как от нас того ожидают современные экономисты. Призвание — это не поиск счастья, если под счастьем понимается хорошее настроение, приятные жизненные переживания или отсутствие борьбы и боли. Человек становится орудием для решения поставленной перед ним задачи. Александр Солженицын, считая себя орудием в борьбе с тиранией, сформулировал это так: «Я чувствую себя счастливее, увереннее оттого, что думаю, что мне не надо планировать и управлять всем самому, что я только меч, заостренный, чтобы поразить нечистые силы, зачарованный меч, который рубит и рассеивает их. Дай Бог, чтобы я не сломался от удара! Не дай мне выпасть из руки Твоей!»

Тем не менее люди, нашедшие свое призвание, обычно не унывают — хотя бы потому, что черпают радость в своем деле. Дороти Сейерс, сейчас в основном известная как автор детективов (в свое время она писала ученые и богословские труды), различала служение обществу и служение работе. Люди, которые служат обществу, в конечном счете обманывают свою работу, писала она, будь то сочинение романов или выпечка хлеба, потому что не сосредоточены всецело на собственной задаче. Тот, кто служит работе — выполняет каждую задачу в совершенстве, испытывает глубокое удовлетворение и в итоге служит обществу более полно, чем мог бы сознательно предположить. Увлеченность, страстное желание безупречно исполнять танец или безупречно управлять компанией — вот что отличает людей, нашедших

свое призвание. Им приносит радость то, что их ценности находятся в глубокой гармонии с их поступками. Они испытывают восхитительную уверенность, которая не позволяет поддаваться унынию даже в самые трудные дни.

Пожар на швейной фабрике был не единственным событием, которое определило цель жизни для Фрэнсис Перкинс, но самым крупным. Она стала непосредственным свидетелем кошмара. И как многие, в праведном гневе обрела решимость. Дело было не только в том, что погибло так много людей: в конце концов, их уже нельзя было вернуть к жизни, а в том, что «пожар стал символом постоянного пренебрежения разумным порядком». Существует определенное представление о том, как следует поступать с людьми, чтобы не унижать их достоинство, и это представление оказалось разрушено.

Детство в строгости

Фрэнсис Перкинс родилась в Бостоне в районе Бикон-хилл 10 апреля 1880 года. Ее предки прибыли в Америку в середине XVII века с большой волной протестантской эмиграции и сначала поселились в Массачусетсе, а затем перебрались в Мэн. Один из них, Джеймс Отис, был героем войны за независимость. Другой, Оливер Отис Говард, служил генералом во время Гражданской войны, а затем основал Говардовский университет, исторически черное учебное заведение в Вашингтоне. Говард посещал дом Перкинсов, когда Фрэнсис было пятнадцать. На войне он лишился руки, и Фрэнсис помогала ему в качестве секретаря¹¹.

На протяжении многих веков Перкинсы занимались фермерским хозяйством и изготавливали кирпичи, в основном у реки Дамарискотта к востоку от Портленда. Мать Фрэнсис